

The background of the entire page is a watercolor illustration of Bird of Paradise flowers (Strelitzia reginae). The flowers are depicted with vibrant yellow and orange petals, and distinctive blue-purple bracts. Large, dark green leaves with prominent veins are scattered around the flowers. The entire scene is set against a light beige, textured background that resembles aged paper.

Ирина
Волчок

**ИЗ ЖИЗНИ
НЕПРОДАЖНЫХ**

Ирина Волчок
Из жизни непродажных
Серия «Все люди – разные»

<https://litres.ru/256122>

Из жизни непродажных: АСТ, Астрель;

ISBN 978-5-17-123558-1

Аннотация

<p>Независимая пресса – это миф, в который никто не верит. Никто, кроме тех, кто умеет быть независимым. Несмотря на преследования, финансовые трудности, непонимание успешных приятелей, несмотря на явные угрозы, сфабрикованные обвинения и выстрелы из-за угла. Непродажным жить трудно. И было бы совсем невозможно, если бы именно у таких людей не было могучей поддержки настоящей любви, настоящей дружбы и настоящей веры в справедливость.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Волчок

Из жизни непроданных

© И. Волчок, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

– Да что ж это такое?! Что ты выдумываешь?! – Лана в негодовании повернулась от плиты. С ложки на пол плюхнулась клякса жидкой каши.

– Ни-че-го, – отдельно произнёс Олег. Впечатал в стол стакан с остатками сока и, так же впечатывая подошвы в пол, ушёл из кухни.

Хлопнула входная дверь.

Расстроенная и растерянная, Лана села на краешек кухонного дивана, так и держа в руке ложку, и всерьёз задумалась: с чего бы это Олег нынче так суров? Все это продолжение с утра пораньше вчерашней сцены ревности выглядело по крайней мере нелепо. Олег никогда ее не ревновал. Некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют. Ревнует – значит любит. Лана точно знала, что муж ее любит, и без таких экзотических доказательств, как ревность, вполне обошлась бы. Главное – с какой стати?! Ну, вьётся вокруг нее этот мальчишка, ну, смотрит преданными собачьими глазами... На взгляд Ланы, поведение мальчишки ничем особо не отличалось от поведения всех стажёров, которые приходили в газету. С новыми сотрудниками работала именно Лана, можно сказать – курировала молодёжь, так что в элементах их бескорыстного подхалимажа не было ничего удивительного. Сто раз так было. И еще сто раз так будет. И ни

разу Олег даже внимания не обращал на то, кто там вокруг нее вьётся и как там на нее смотрят. А в этот раз не просто обратил внимание, так еще и выразил свое недовольство. В ответ на его недовольство она выразила свое. Наверное, это было неправильно. Вчера он замолчал и промолчал весь вечер. Лана значения этому не придала. Думала, сном глупости уйдут, утро вечера мудренее. А он с утра пораньше – по второму кругу: зачем смотрела, да почему поощряла, да почему не поставила на место... Главное – абсолютно на пустом месте! Обидно. Совершенно непонятно, почему некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют...

А забытая на огне каша тем временем попыхтела-попыхтела да и подгорела. Лана наконец учуяла запах гари, кинулась к плите, выключила огонь, помешала... глянула на часы – и сердито проворчала, доставая кукурузные хлопья и молоко:

– Олег, это всё из-за тебя. Мальчишки должны сказать тебе спасибо...

Каша по утрам, особенно овсяная, была пунктиком Ланы. Она считала, что ничего полезнее овсяной каши не может быть. Сыновья, честно говоря, с этим не были согласны. Особенно младший, пятилетний Тимка.

Лана отправилась будить детей, на ходу по привычке бормоча себе под нос:

– Ну как можно так расстраивать человека перед работой!..

Перед комнатой мальчиков она остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула и, вроде бы обретя душевное равновесие, осторожно открыла дверь.

Не раздвигая плотных клетчатых штор, которые так надёжно охраняли уют от ноябрьского хмурого утра, Лана включила настольную лампу. С верхнего яруса кровати слышались возня и басовитое ворчание, из подушки нижнего вынырнула белобрысая взлохмаченная голова, огляделась бессмысленными синими глазами и опять нырнула в подушку.

– Вставайте-вставайте, сони! – бодрым голосом сказала Лана.

Голова Тимки снова вынырнула из подушки.

– Мам! Я в сад не пойду! – тревожным шёпотом ответил он.

– Это почему же? – Лана села на его кровать, выгребла Тимку из-под одеяла, прижала к себе, тёплого, душистого и уютного.

– А чего эта Беяева на меня смотрит! – проворчал Тимка, удобнее устраиваясь на коленях у матери. – Она так смотрит, что я чаем попёрхиваюсь...

– Это кто там с утра канючит? – раздался сверху презрительный ломкий басок, и еще одна белая голова, только побольше, нависла над ними. – Кто хвалился, что супермен? Супермены на девчачьи взгляды плевать хотели... – Четырнадцатилетний Платон спрыгнул с верхнего яруса и дёрнул

младшего за хохолок на макушке. – Let's take the cold shower!

Тимка беспомощно покосился на Лану:

– Чего он, мам?

– Водичкой холодной обольёмся, говорю! Давай заползай!

– Платон сел на кровать к брату и подставил спину.

– Ма! Не хочу-у, – занял Тимка, но Платон (в обиходе Тошка, Платоша и так далее, в соответствии с моментом) уже подхватил его под попку и взгромоздил к себе на закорки. – О! Sorry! Hi, ma!

– Доброе утро, – ответила Лана и потрепала его жёсткие волосы. – Сходил бы ты с братом постричься.

– Угу, – кивнул Платоша и через плечо глянул на братишку, с самого утра недовольного жизнью. – Всё, начинай дрожать. Поехали!

Через минуту донёсся шум льющейся воды, Тимкин визг и Тошкино уханье: братья принимали холодный душ.

В детском саду, как всегда по утрам, слышны были рёв и крики: «Мамочка, не уходи!» – это из младших групп. В Тимкиной средней группе переодевались сопя и хмурясь, но уже не ревели. Пока Тимка облачался в шорты и сандалии, хорошенькая как кукла Аллочка Беляева выскочила из игровой и молча уставилась на него чёрными глазами. Тимка торопливо натягивал шорты и гневно сопел, косясь на девчонку. Надо вмешаться...

– Аллочка, что же ты со мной не здороваешься? Доброе

утро, – сказала Лана.

– Доброе утро, – пробормотала та и быстро ретировалась обратно в игровую.

– Всё равно смотреть будет, – обречённо буркнул Тимка и горестно вздохнул.

– Тим, – Лана невольно тоже вздохнула и села на длинную скамейку рядом с сынишкой. – Она просто хочет с тобой подружиться, а как – не знает. Ты сам к ней подойди, какую-нибудь игру ей предложи. Вот увидишь, всё сразу наладится! Мальчишки всегда должны первыми к девочкам подходить.

Тимка помолчал, повозил ногами по полу, хмуро спросил:

– А если я с ней дружить не хочу?

– Точно – не хочешь? Гм... Тогда терпи ее взгляды без нытья, что поделать. Но ты все же подумай: может, не так уж ты с ней не хочешь дружить? Подумай-подумай. – Лана поцеловала сына в макушку и поднялась со скамейки. – Мне пора. Иди к ребятам. Тошка тебя заберёт в пять.

Тимка молча кивнул и неохотно побрёл в комнату.

У сына проблема! А что делать в таких случаях, она не знала. Стыд и позор. По дороге в редакцию она еще немного поломала голову над тем, как быть с Тимкой, а потом незаметно стала думать о своей утренней стычке с мужем. Конечно, это была не первая ссора, за пятнадцать-то лет жизни! Но чтобы из ревности, да еще к кому... Разумеется, она внимательно отнеслась к этому Серёже. Она всегда очень внимательно относилась к практикантам. А этот – совсем маль-

чишка, чуть старше Платона. Вырос в интернате. Кто же не знает, какие перспективы обычно у детей, выросших в интернате? А он сам в университет поступил. Значит, и характер, и способности есть. И попал с корабля на бал: утром вышел на работу – а вечером банкет.

Она вообще не замечала, что этот мальчик оказывает ей особое внимание. Вчера не замечала. А сегодня вдруг подумала, что весь вечер он ел ее глазами, как... Беляева – Тимку! Смешно. Но она-то в чем виновата? В том, что пару раз потанцевала с ним? Она со всеми танцевала – и с Костиком, и с Сашкой, и с дядей Борей... А потом все вдруг заметили, что Олег молчит, над шутками не смеётся и вообще... закаменел. Таким от него холодом повеяло, что все сразу протрезвели – и по домам, по домам...

От этих мыслей Лана так расстроилась, что чуть не проехала остановку возле старого, солидного дома, где они арендовали половину третьего этажа под редакцию. Как всегда торопливо взбегая по ступенькам, она вдруг резко притормозила у большого зеркала между этажами: из его глубины на нее смотрело такое юное, длинноногое, белобрысо-стриженое, глазастое... Практикант ее просто за свою ровесницу принял, – вдруг догадалась Лана. И насмешливо подмигнула своему отражению: вот бедняга, как потом, наверное, переживал! Когда узнал, сколько ей лет и сколько у нее детей. И сколько лет старшему... В том, что Олег сердится, нет ничего хорошего, конечно... Но в том, что его жена так выглядит,

нет ничего плохого.

Олег оценивающим взглядом обвёл своих коллег, полукругом сидящих у его стола. Не выпалились, конечно, после вчерашнего. Ну, ничего, взбодрятся. Повод для праздника был, на его взгляд, серьёзный: четыре года «Объектив» продержался, не сдав позиций газеты непредвзятой и непродажной. Это в наши-то дни!

– Ну что ж, начнём. Как идёт новый номер, Борис Викторович? – обратился он к своему пожилому заместителю.

– Вроде в графике идём, – осторожно ответил тот. – Тринадцать полос свёрстаны, третья и пятая ждут досылов, на первую делаем коллаж к Таниной статье о сносе исторического памятника.

– Только у меня проблема! – подскочила с дивана кругленькая и упругая, как мяч, Татьяна Мальцева. – Мэр комментариев давать ни в какую не хочет! Ускользает и ускользает... А весь город гудит, что у него в этом сносе на Котельной большие личные интересы.

– Твоей статье его отказ не повредит. Назови ее «Молчание»...

– «Молчание – золото!» – уловила мысль Олега Таня.

– «И»! – подал голос Саша, отрываясь от перешептываний с симпатичной соседкой.

– Что «и»?

– «И золото»...

Таня пошевелила губами, словно пробуя, какой заголовок вкуснее:

– Нет, без «и» точнее.

– Саша, твой материал продвигается? За тобой двести строк, – напомнил Борис Викторович.

– А я, кажется, опять на сериал иду, – ответил, вставая, Саша. Полностью его звали Александр Матросов – не больше и не меньше, – и читатели старшего поколения думали, что это псевдоним: каждая статья была броском на амбразуру.

– Но первую серию ты сдашь сегодня, – слегка нервно то ли попросил, то ли приказал Борис Викторович.

– А кто закрывает дыру на пятой? – спросил Олег, бегло просматривая вёрстку.

– Я... – тихо произнесли сбоку.

Олег покосился в ту сторону: практикант.

– О чём пишете?

Олег сам заметил, как голос его заметно похолодел. Он не понимал, почему именно этот мальчик вызвал у него такую ревность. Но почему-то вызвал. И со своей неприязнью Олег еще не справился.

– Для вас, Серёжа, я Светлана Платоновна, – неожиданно подала голос Лана.

Олег бросил на нее странный взгляд. Ага, не ожидал от нее такой строгости. Остальные тоже посмотрели с некоторым удивлением: все привыкли, что Лана – это Лана, а не

какая-то Светлана Платоновна. На миг Лана почувствовала себя как-то неудобно, но заметила, что глаза Олега слегка оттаяли. Хорошо.

– Так что вам Светлана Платоновна посоветовала?

– Ну, это... Покритиковать новый памятник, – понурился, прошептал практикант.

– Это на привокзальной площади? А не боитесь, что губернатор обидится?

– Да? Нельзя? – совсем смешался тот.

– Гм... Пишите, посмотрим, что получится. Борис Викторович, у вас будет чем заменить, если что не так? Ну, всё на сегодня. По местам – и чтобы никакого пива в редакции!

– Да знаем, знаем, не будем, – вразнобой загомонили сотрудники, толпой выходя из кабинета.

Олег проводил их взглядом и вздохнул. Он завидовал им: вот сейчас кто с «лейкой и блокнотом», то есть с их цифровыми потомками, рванёт на задание, кто – атакует нужных людей по телефону, кто – сядет за компьютер. Как он все эти дела любит! А руководить – нет, не очень. Столько приходится дел улаживать, документов подписывать... Да и в суды то и дело вызывают...

Ну да ничего, он костыми ляжет, но его газета останется и дальше такой: непредвзятой, непродажной и – не падкой на дешёвые сенсации. Его газета останется по-настоящему независимой... Но как можно в наше время быть не зависимым от финансов?

Вздыхнув еще раз, Олег рассовал по карманам необходимые мелочи, проверил, на месте ли ключи от машины: пора было ехать на еженедельное совещание у губернатора. Ничего не поделаешь, он туда сам напросился. Его как хозяина и редактора независимого издания на эти планёрки не приглашали. Но надо быть в курсе того, что происходит в верхах. Сколько острых тем он вынюхивал на этих планёрках! И завидовал тем из своих ребят, кто брался их раскрывать.

Даже Ланке завидовал. Он, как никто другой, понимал ее нежелание «идти вверх по служебной лестнице». Он иногда подступался к ней с предложениями занять хотя бы должность редактора отдела, но она – когда смеясь, а когда и довольно резко – отвечала одно и то же:

– Самая высокая должность в журналистике – репортёр!

Ее рубрики назывались «Кто виноват» и «Что делать». Она описывала две-три реальные истории людей, попавших в одинаковые ситуации, и рассказывала, как из такой ситуации можно выйти грамотно и с наименьшими потерями. Конечно, читатели ждали ее публикаций, звонили ей и писали письма.

То, что Ланка могла работать в свое удовольствие и ей никто не связывал крылья, было важно для Олега.

Было важно и то, что в его газете отсутствовали реклама и прочая ложь.

И всё же... И всё же вот уже пять лет, как его мучает вопрос: правильно ли он сделал, что принял Пашино предло-

жение?

Глава 2

Как всё начиналось

– Опять ты моё задание не выполнил! Я тебе что сказал? Нужна рекламная статья, написанная так, словно и не рекламная. Ты же мастер слова! А ты что принёс? Крамолу! На спонсора!!! – распекал Олега редактор «Новостей России».

– Пётр Гаврилович, как можно писать хвалебные статьи об учреждении, где сотрудникам больничные не оплачиваются?! Там на КЗОТ плюют! – возмущался Олег.

– Олег! Оле-ег! Охолони... Нельзя жить в доме из навоза и благоухать французским парфюмом, – говорил главный.
– Чего ты хочешь? Прошлые разоблачили уже. А нынешний день пусть потомки разоблачают. Лицом к лицу лица не увидеть... Ладно, иди.

Главный устало махал рукой и садился вычёркивать из Олегова материала «крамолу».

Дальше от спонсоров – больше правды. Олег тогда спасался командировками. Часто ездил. Однажды поехал в Сибирь. Есть такой штамп в журналистике: «Письмо позвало в дорогу». Вот Олега и позвало.

Автор письма, некий Семён Прокудин, писал о том, как он в начале девяностых взялся поднимать захудалую ферму, как трудно, потом и кровью, оживлял хозяйство, а через год ожившее хозяйство у него отобрал наглый «браток» – угро-

зами и чуть ли не пытками.

В сибирской глубинке Олег еле отыскал малолюдную деревушку. Добирался до места трудно. Последний десяток километров ему повезло подъехать на попутном «козлике». Разговорчивый водитель рассказал, что едет к тётке Марине за самогонкой к свадьбе дочери. «Уж она такую знатную делает, на травах – и вкус что надо, и похмелья никакого». Он высадил Олега у осевшего домишки, где обитал Прокудин – худой, всё время шмыгающий носом мужичок неопределённого возраста. Жил он один. Скотины не держал. А в письме писал о том, что очень любит домашних животных, что своих коров содержал «как деток родимых». Услышав, кто и зачем пожаловал на его подворье, Семён засуетился, как вспугнутая курица. Рассовывая по углам какой-то хлам с лавки и переставляя со стола на печурку грязные миски и стаканы, скорее удивлённо, чем обрадованно, бормотал: «Вот уж не ждал, вот уж не ждал». Наконец уселся и замер, глядя на Олега сорокаградусными голубыми глазками.

Это длилось долго, и Олег понял, что надо брать инициативу в свои руки. Он сел на расшатанный табурет, достал письмо и показал его хозяину:

– Вы писали?

Прокудин снова засуетился, зашмыгал носом, зашнырял глазами.

– Ну, дык это... ну... Ну да, я...

– Содержание письма помните? Здесь всё написано так,

как было на самом деле?

– А как же, а как же... – забормотал Прокудин. – Да, так... эксприатор он... Слушай, корреспондент, ты это... у тебя, ну... Выпить с собой? – Последняя фраза была сказана более уверенным, даже наглым тоном.

– Нет, выпивки с собой не ношу.

Семён, казалось, безмерно удивился:

– А как же... это... как же говорить будем? У меня ни капли нету.

Олегу стало неловко и противно одновременно.

– Где у вас можно купить выпивку? – спросил он, вставая.

Хозяин немного помялся и предложил:

– Дык... это... Ты дай деньжонок, я сам достану.

– Нет, мне это лучше сделать самому, – сказал Олег, вспомнив про тётку Марину.

Прокудин разочарованно посопел, похлопал глазами, с подозрением глядя на Олега, потом махнул рукой:

– Ну чо ж, лады... Ты ж вернёшься, а? Не смоешься? Ну, иди уж... Я ждать буду...

Двор тётки Марины, не в пример Семёнову, был ухоженным, с палисадничком, с крашенными зелёной краской деревянными настилами. Изба тоже была добротная, большая, с резным навесом над крыльцом и резными же наличниками.

Олег постучал в дверь, услышал: «Чо барабанишь? Входи!» – и вошёл в просторные сени, пропахшие бражкой и травами. Занавеска на двери откинулась, в проёме появилась

большая краснолицая женщина лет сорока пяти в цветастом ситцевом платочке, повязанном низко на лоб, в пёстрой юбке, в кофте толстой вязки и в шерстяных носках.

– О, да тут заезжие пожаловали! – без удивления сказала хозяйка, в широкой улыбке показывая белые крепкие зубы.
– Ну, заходи, коль нужда во мне...

– Простите за вторжение, меня зовут Олег Дмитриевич. А вы, я знаю, Марина, а по батюшке?

– Карповна я. Да ты садись, Олег Дмитрич. – Марина Карповна уже доставала из печи горшок, выкладывала из него в расписную миску маленькие толстенькие пельмени. Поставив на стол миску, тарелки, вилки, рюмки, какие-то баночки, вынула из холодильника запотевшую бутылку с содержимым цвета бледного чая, поставила в центр стола. – Садись, Дмитрич, садись, сейчас мы с тобой за знакомство выпьем-закусим, а там и поговорим.

Олег покопался в своей сумке, вытащил начатую палку сырокопченой колбасы, пару апельсинов, плитку шоколада, баночку растворимого кофе, с поклоном положил все это перед хозяйкой:

– От нашего стола вашему столу.

– Это ты брось! Самому понадобится! – Марина Карповна широким жестом сгребла Олеговы припасы обратно в сумку.

Но Олег, укоризненно покачав головой, опять достал апельсины, шоколад и кофе.

– Упрямый, – одобрительно сказала хозяйка и поставила

на плиту чайник.

Спиртное Олег пил редко и в малых дозах, по необходимости – компанию поддержать или еще какая оказия. Тяги к алкоголю не испытывал. А здесь под необыкновенно вкусные пельмени опрокинул три рюмки фирменной настойки, которая и вправду пилась лучше любого коньяка. Марина, не забывая потчевать, расспрашивала гостя:

– Я слыхала, ты из самой Москвы? Корреспондент, говорят... К Семёну, чо ль?

Олег только кивал, бросая в рот пельмень за пельменем, политые необыкновенными самодельными соусами, которые оказались в тех самых баночках.

– Ну, а теперь и кофейку можно. Тебе сколь ложек класть?

– Две, Марина Карповна. И без сахара.

– Я тоже такой пью. – Она залила гранулы кипятком и с наслаждением вдохнула пар. – Вот дух-то райский!.. А тебе, надо думать, курить пора? Да ладно, тут дыми, не махру, чай, смолишь...

– Спасибо, Марина Карповна. – Олег с удовольствием закурил. – А вы только растворимый кофе любите или и натуральный пьете?

– Да любой, лишь бы свежий! Только у нас залёживается кофеек в лавке, мало любителей-то...

– Я вам обязательно пришлю настоящей арабики, как только в Москву вернусь.

– Ну вот еще! И не думай, – смутилась Марина Карповна.

– Расход какой... За что ж мне подарки такие-то? Или тебе надо чего? Зачем-то ведь приехал?

– Ладно-ладно, успокойтесь, – засмеялся Олег. – А что касается цели моего приезда, вы правильно догадались, я из-за Прокудина здесь. Он нам жалобу прислал, будто бы у него ферму силой отобрали.

– Чо? Во врёт – и не краснеет! Да он ту ферму пропил за полгода! Тот парень незнамо за чо и деньги-то заплатил... Ты его, Сеньку, не больно слушай, халявщик он, так и знай. Видала я, к нему тут на иностранных машинах-то ездили... А после денежки объявились, он ко мне зашастал за первачком... Я ведь не дрянь всяку гоню, а настойки делаю на травах, можно сказать, целебные. Мне секреты от бабки моей перешли. Да толь у нас в деревне мужиков питающих шибко много развелось, чо я на них добро переводить буду? Я им самогонку продаю. Осуждашь? – вдруг остро глянула она на Олега.

Олег смутился. Наверное, должен осуждать – но почему-то не только не осуждает, а... нравится ему у Марины Карповны, симпатичный она человек.

– Ну, понятно, – улыбнулась она, хотя Олег ни слова не сказал. – Я сейчас, погоди маленько...

Куда-то вышла, через пару минут вернулась с бутылками в руках: в одной – пластиковая, из-под какой-то газировки, в другой – красивая, тёмного стекла.

– Вот эту Сеньке снесёшь, – протянула она пластиковую

бутылку с мутноватой бесцветной жидкостью. – А это тебе, в Москву свежи да друзей хороших от меня попотчуй. Да не доставай ты деньги! Это угощение.

Олег оставил Марине Карповне свой адрес и телефон, пригласил приезжать в гости, с сожалением распрощался и наконец пошёл к дому Семёна. Тот ждал его у калитки, уцепившись за перекошенные досочки не слишком чистыми руками, нервно облизываясь и помаргивая слезящимися глазами.

Олег вручил ему бутылку и спросил, как добраться до фермы.

– Дык а... говорить будем? – Прокудин показал глазами на бутылку, которую бережно и нежно прижимал к груди.

– Да что говорить... Вы обо всем написали. Теперь послушаю другую сторону.

– А-а!.. Дык поздно уже ехать. Ты переночуй у меня, а утром туда за молоком машина поедет.

Олег представил себе, как будет спать в вонючей избёнке, и пожалел, что не напросился на ночлег к Марине Карповне.

– Где у вас местная администрация... то есть контора или правление?

– Дык прямо иди, в конце улицы контора будет. Только там один сторож шас... Может, проводить? Я могу, что ж...

– Нет уж, я лучше сам, – не очень вежливо отказался Олег, торопливо попрощался, повернулся и зашагал прочь.

Кое-как продремав на лавке в предбаннике конторы, куда пустил его сторож, Олег ранним утром на молоковозе подъехал к ферме.

Раньше ему не приходилось писать о сельском хозяйстве. И на фермах бывать тоже не приходилось. Горожанину в нескольких поколениях вид раскисших весенних дорог, коров, месящих грязь в стойлах, запахи навоза и силоса показались малопривлекательными. На территории фермы, состоящей из нескольких убогих, на взгляд Олега, строений, возились одетые в резиновые сапоги и телогрейки мужики. Он спросил одного из них, как ему найти Павла Стечкина, и тот зычно крикнул: «Паша! По твою душу!» Из ближайшего строения появился огромный парень в поношенном камуфляжном костюме, с вилами в руках.

– Ну? Чо надо? – недовольным тоном человека, которого отвлекают от важного дела, пробасил он.

Олег шагнул к нему, представился, протягивая руку:

– Корреспондент «Новостей России» Олег Камнев. По вашу душу, как вас уже информировали.

Парень тщательно обтёр свою лапищу о штаны, сжал ладонь Олега и энергично тряхнул. Олег едва сдержался, чтобы не охнуть, – силища у парня была необыкновенная.

– Из самой Москвы, чо ли? – широко, белозубо улыбнулся «эксприятор», как называл его Прокудин.

– Жалуются на вас, приехал за правдой, – невольно улыбнулся в ответ Олег.

– Еще и в столицу затеялся жаловаться, тля зелёная! – беззлобно ругнулся Павел. – Слышь, москвич, ты походи тут, погляди, как мы живём, а мне телятам насыпать надо. Управлюсь – найду тебя, обустрою с дороги.

Олег выбрался со двора фермы, и его повела утоптанная тропинка. Земля одевалась первой весенней зеленью, и он с наслаждением вдыхал ее запах. Тропинка взобралась на пригорок – и внизу Олегу открылось большое круглое озеро. Полуденное солнце искрилось на воде, вытапливало последние островки льда. Олег присел на большой, выглаженный, наверное, многолетними посиделками валун...

Здесь и отыскал его через некоторое время Павел.

– Чо, москвич, нравится у нас? – Павел хозяйским жестом с гордостью раскинул руки. – Красота! Воздух пить можно... Я, когда это озеро увидел, сразу сказал: здесь жить будем! Ну чо, пидэмо куштуваты?

Олег с интересом поглядел на него:

– Ты кто? То «чокаешь», как сибиряк, то «хекаешь», как украинец, да еще и словечки украинские...

Павел хохотнул и произнёс какую-то гортанную фразу.

– А это на каком? – спросил Олег.

– Это на афгани. Вернее, не на афгани, а так... – Павел смущённо хмыкнул и объяснил: – У меня врождённая способность к подражанию. Как у скворца или... попугая. Где живу, там и нахватываюсь – и словечек, и акцентов. Это абсолютным музыкальным слухом называется. А вообще я рус-

ский, просто вырос на Украине, в Николаеве, – знаешь такой город? Мой батька долго там служил. Он военный лётчик у меня.

– Мой тоже лётчиком был. Испытателем.

Они посмотрели друг на друга с откровенной симпатией.

На выдавшем виды «козлике», близнеце того, на котором Олега подвёз к Прокудину словоохотливый шофёр, приехали в село, прошли в бревенчатый дом, добротный, но далеко не новый.

– Хозяйка моя на ферме, так что кормить я тебя сам буду, – сказал Павел, выставляя из холодильника тарелки с нарезанным розовым салом и деревенской колбасой. Задумчиво постоял и решительно захлопнул дверцу старенького «Минска». – Ты извини, москвич, выпивать вечером будем, лады? У меня еще дела на ферме. А пока давай, чем богаты...

Павел, достав из печи чугунок, стал разливать по глубоким тарелкам щи. У Олега, ранним утром выпившего одинокую чашку холодной водицы – кофе-то он Марине Карповне подарил! – аж голова закружилась.

– Ух как пахнет! А я только вчера впервые увидел русскую печь. И еду из нее впервые попробовал.

Павел взглянул на него с добродушной иронией:

– Темнота столичная! Да уж, в ваших ресторанах такого никогда не приготовят. А тут Алёнка еще и картошечки натомила – с салцем, с лучком... Ты погоди, она вечером еще шанежек напечёт – тогда скажешь. Что медлишь? Давай, са-

дись.

– Павел, а где твое «чо»?

Так я с москвичом г'ва-арю, – подчёркивая твёрдое «г» и растягивая «а», объяснил Павел. – Абсолютный слух, что поделаешь...

Во время обеда они почти не говорили, потом так же молча одновременно закурили, и Павел, пристально глянув на Олега, сказал:

– Спрашивай.

Олег нашёл в сумке прокудинское письмо и молча протянул его Павлу. Тот прочитал, с досадой помотал русоволосой головой.

– Зачекай хвылечку... – вернул письмо Олегу и скрылся за плотными пёстрыми шторами, отделяющими кухню от «залы». Через минуту вернулся, сел, развязал тесёмки потрёпанной папки с надписью «Дело №».

– Тут, москвич, не всё так просто. Вот смотри, ферму эту я выкупил, правда, не за большие деньги, но по всем законам. И то, что я купил, слова доброго не стоило. При Советах нормальное хозяйство было, небольшое, но отлаженное. Но потом быстро пришло в упадок, запустело: народ кто в челноки подался, кого за счастьем в город потянуло, кто спился совсем. Тогда-то Прокудин ферму и приватизировал. Как уж это ему удалось – не знаю, не вникал. Только повёл он дело, на мой взгляд, странно: коров перерезал и мясо продал, а тех, кто под нож не сгодился, – голодом уморил. Такой вот

фермер... В общем, к тому времени, как мы с женой приехали, Прокудин был гол как сокол. А нам место сильно приглянулось, я говорил уже. Я, как отвоёвал в Афгане, к родителям вернулся, они тогда уже в Подмоскowie жили. Тут меня с Алёнушкой судьба свела. И вот женился я, а работы путной не найду никак. Пробовал и охранником, и телохранителем – не могу, в лом... А больше – ну ничего, хоть наизнанку вывернись! Алёнка и говорит: поехали на мою родину. Я потосковал-потосковал да и согласился. Так что ферму эту я законно приобрёл, и врёт Прокудин про угрозы, он мне ее с радостью отдал, еще и «спасибо» говорил.

Олег слушал, просматривая бумаги.

– Вот тля зелёная! – вспомнил своё любимое ругательство Павел. – Ведь только на ноги вставать начали, кредиты возвращать! Народ поверил, потянулся работать на ферму. А тут эти дела пошли! Ты думаешь, это Прокудину надо? Нет, москвич, тут люди покруче интерес имеют... А Прокудин что – он теперь за поллитру на всё готов. Мне его, дурака, даже иногда жалко, скоро человеческий образ совсем потеряет. А надо это олигарху одному, ему места здешние приглянулись – и лес, и озеро, рыбалка отличная. Он ко мне подъезжал: отдай, мол, землю под усадьбу... А мне самому здесь по душе. Понятное дело, не согласился... Он здесь виллу отгрохает, пляжи с лодочными станциями заведёт, заборов понаставит, а люди к нему в услужение пойдут? А они, мужики здешние, даже пить стали меньше, а бабы рады как! Думает,

если олигарх – так все может? Работу мою угробить? Жизнь мою всю переломать?..

Павел разволновался, заходил широким шагом по кухне, натываясь на стулья и табуретки. Олег сидел, уставившись на крохотную дырочку в клеёнке и куря сигарету за сигаретой. Он чувствовал, что предстоит очень нелёгкая борьба. Он уже твёрдо знал, что обязательно будет бороться на стороне этого парня. Только бы Ланка его поняла и поддержала, только бы она не испугалась... Ей ведь рожать скоро.

А дальше был очень тяжёлый год. После первой статьи Олега подожгли ферму Павла, только половина стада уцелела. После второй статьи Олег получил пулю в лёгкое, чудом выжил. После третьей статьи Павлу устроили автомобильную аварию. И опять только чудом можно объяснить то, что Павел остался жив. А потом – то ли олигарх нашёл себе землю получше, то ли понял, на чьей стороне Бог, то ли все-таки восторжествовала законность – Стечкина оставили в покое и даже выплатили моральный и материальный ущерб. Павел тогда приехал в Москву, повёл Камневых в ресторан.

– Москвич, – сказал он тогда, – не знаю, как ты на это посмотришь, но я считаю, что у нас с Алёнкой родни прибавилось. Кровной! И долг за мной огромный. Дай только на ноги как следует встать...

Спустя несколько лет у Стечкина уже было два мясомолочных комбината.

У Олега же дела шли не так хорошо. Вернее, если посмотреть со стороны, то вроде бы грех жаловаться. Он был заместителем главного редактора «Новостей России» – одной из крупнейших газет страны. Однако Олега это мало радовало. «Самая высокая должность в журналистике – репортёр», – это его слова Ланка теперь повторяет.

И вот лет пять тому назад вызвал Пётр Гаврилович Олега и сказал:

– Ухожу на пенсию. Устал. Думаю, тебя поставят на моё место.

На другой день Олега вызвали «наверх» и предложили возглавить «Новости России». Олег попросил время на раздумья. «Наверху» очень удивились, но подумать разрешили.

В редакции главный ждал его в коридоре, сразу повёл к себе в кабинет, спросил с лёгкой ноткой ревности:

– Ну что, тебе дела сдавать?

– Погодите, Пётр Гаврилович, я еще не решил...

– Это как – не решил? – возмутился редактор. – Я на кого газету оставлю? Это нечестно! Ты уже давно вместо меня работаешь, я только как свадебный генерал... Да ты что?!

– Погодите, Пётр Гаврилович! Я вам честно скажу: не хочу я быть руководителем. Мне совсем не нравится в ножках у спонсоров валяться и рекламодателей обольщать. Это так далеко от журналистики...

Редактор, багровый от гнева, открыл рот, готовясь громко выразить свое мнение, как он это умел, – ох, и умел же! – но

в это время заговорила по селектору секретарша:

– Прошу прощения, Пётр Гаврилович, Олегу Дмитриевичу звонят. Важный человек...

В голосе секретарши слышался почтительный трепет. Редактор трудно сглотнул, словно подавившись гневной тирадой, махнул рукой:

– Иди, беседуй со своим важным человеком. Потом договорим.

Олег снял трубку в своём кабинете.

– Слушаю вас.

– Привет, москвич! – пробасил знакомый голос.

– Пашка! Ты откуда звонишь?

– Да в машине сижу возле вашей редакции! Спуститься можешь?

...За два года до этого они всей семьёй провели отпуск в доме Павла. Этот месяц оставил неизгладимые впечатления в сердце Платоши, которому тогда было шесть лет. Павла он с тех пор обожал и без конца рассказывал всем знакомым, как они тогда с дядей Пашей, папой и Колькой, дяди-Пашиным старшим сыном, ходили рыбачить на утренней зорьке. А потом уху на костре варили – из рыбы, которую сами поймали, и уху сами варили, на костре! Как грибы и ягоды в лесу собирали, а тётя Алёна потом пироги с ними пекла, шаньги называются, – объедение... А еще у дяди Паши есть Аришка – хоть и малявка, но ничего девчонка, не вредная...

С тех пор Олег с Павлом не встречались, только перезва-

нивались, и в конце каждого разговора Павел загадочно говорил: «Скоро приеду. Не просто так».

Ну вот, приехал-таки.

Олег схватил сумку, заскочил к главному редактору:

– Мне надо срочно уехать до конца дня!

И не слушая, что кричит Пётр Гаврилович, выскочил из кабинета, побежал вниз по лестнице, не дождавшись неторопливо ползущего лифта.

Павел ждал его, прислонясь к капоту внедорожника, словно созданного для его мощной фигуры. Потёртые джинсы, простенькая футболка – кто скажет, что это мясной магнат?

– Что-то ты бледный, москвич, – вместо приветствия сказал он, пожимая в своей медвежьей манере руку Олега. – Что, замучился писать?

– Да если бы писать, Паша! – тоже забыв о приветствии, пожаловался Олег. – Руководить замучился. А тут еще главным хотят сделать...

– Вот тля зелёная! – растерянно сказал Павел. – Тебе что, правда так в лом боссом быть?

– В лом! Не просто в лом, а... Паш, какой из главного может быть журналист? Главный деньги должен добывать. А я со спонсорами дружить не умею. Я с ними всю жизнь на ножах... Да что я тебе говорю, сам все знаешь.

Павел постоял, что-то соображая, потом, видимо, приняв какое-то важное решение, сказал:

– Ладно. Садись в машину. Поехали в кабак, там погово-

рим.

Олег в машину сел, но предложил свой вариант:

– И с какого перепугу я с тобой в кабак поеду, когда меня дома беременная жена и сын ждут? Поехали в Жуковское, а то Ланка обидится.

– А-а, так вы тоже прибавления ждёте? Молодцы! Только нас с Алёной вам не догнать: у нас четвёртый на подходе!

– Четырежды молодцы! Алёнка по-прежнему бухгалтерией занимается?

– А то! Кому я еще финансы доверю считать? Только Алёнке моей. Ты посиди, я тут ненадолго... – Павел свернул за угол, остановил машину и убежал.

Вернулся минут через двадцать, увешанный пакетами, с огромным букетом роз.

– А теперь подсказывай, как ехать...

– Я, Олежка, про одну газету интересную от батиной знакомой узнал... – устроившись на балконе в плетёном кресле с дымящейся сигаретой, начал главный разговор Павел. – Ее группа журналистов, можно сказать, возродила из дореволюционной губернской газеты. И больше десяти лет держались, как могли, часто без зарплат и гонораров сидели, чтобы сохранить газету как независимое издание. А потом все-таки продали свой «Объектив». Новый хозяин поставил там главным редактором какое-то чудище болотное. А до него славная была газета. Да я привёз – и под старой редакцией,

и под новой, считаешь... Ну, так я к чему всё это... Сейчас ее можно перекупить. И ты будешь хозяином своей газеты. Хотя ты и не любишь руководить... Об этом я мечтаю с того дня, как тебя по моей вине чуть не убили. Мне, можно сказать, высшие силы такое задание дали, а сами пообещали, что ты выживешь... Ну во-от! Что не так? – видя, что Олег молчит, рассматривая кончик своей сигареты как нечто необычайно интересное, встревожился Павел. – Да знаю я, знаю, какой ты честный и щепетильный! Но и меня пойми: ты мне не только жизнь – ты мое честное имя спас! Это ничем оценить нельзя. По-честному, я тебе половину моих доходов отдавать должен. И я тебе предлагаю альтернативу: своя газета, такая, как ты хочешь. Ни под каких спонсоров ложиться не будешь... Ну чо? Согласен, чо ли?

Олег оторвал, наконец, взгляд от истлевшей до фильтра сигареты, загасил ее в пепельнице и посмотрел в глаза друга. В них было тревожное ожидание.

Олег снова опустил голову:

– Паш, я так не могу...

– Не могу-у? А под пули за меня мог? А с редактором своим собачиться за каждую строчку в тех статьях – мог? От взяток нехилых отказываться тоже мог – легко мог! – Павел замолчал, сердито пыхтя «Житаном», на который, уступая своему новому статусу, променял любимую «Приму». – Ладно! Ладно. Ты очень щепетильный человек, и тебе не нравится брать деньги, пусть даже у меня... У меня, тля зе-

лёная, денег он взять не может! – вдруг заорал он так, что на балкон испуганно выглянул Платон. Павел спохватился и виноватым тоном объяснил: – Ничего-ничего, Тошка, это я бате твоему анекдот рассказываю.

Платоша испытующе посмотрел на отца и, увидев, что тот улыбается, успокоился и пошёл опять смотреть свои мультики. Зато на смену ему пришла Лана.

– Вы уже надымились или мне опять на кухню уходить?

– О! Ланочка! Ты очень вовремя! – Павел вскочил с кресла, галантно придвинул его Лане, развернув так, чтобы она оказалась к мужу спиной. – Понимаешь, Ланочка, я тут твоему мужу свой долг отдать хочу, а он... кочевряжится.

– Па-ша! Не смей напрягать мою женщину! Беременную, между прочим... – Олег сделал страшные глаза и за Ланкиной спиной показал другу кулак.

– Цыц, бумагомарака! Молчи, когда олигархи говорить с дамой хотят, – тоже притворился грозным барином Павел и, махнув на все еще грозящего кулаком Олега рукой, уставился в глаза Ланы гипнотическим взглядом: – Видишь ли, Лана, я купил газету... Молчи, щелкопёр! – прикрикнул он на открывшего было рот Олега. – Так вот, я приобрёл газету в губернском городе не так далеко от Москвы и предложил твоему мужу владеть ею и властвовать над ней, как он того пожелает. Я-то буду далеко и, кстати сказать, ни тли зелёной в журналистике не понимаю. Молчи, папарацци! – снова прикрикнул он на мотавшего в досаде головой Олега.

Лана оглянулась на мужа, он мотал головой уже ей – отрицательно.

– Не смотри ты на этого... ух! Не смотри на него, душенька! Ты меня, меня слушай!

– Ты его слушай, конечно, но попутно думай, чего этот змий библейский тебя в оборот взял, – предупреждающим тоном сказал Олег.

– А чем вам, Олег Дмитриевич, змий библейский не угодил? – ехидно поинтересовался Павел. – Или нам безгрешной жизни хочется? Ах, как я ошибся! Оказывается, надо было монастырь покупать!.. Ладно, шутки в сторону... – Павел опять сделал гипнотический взгляд. – В общем, Олег станет хозяином издания, которое не будет нуждаться в том, чтобы искать рекламу или спонсоров. Можно будет писать в этой газете что хочешь и как хочешь. Ну, что я плохого предлагаю?

Теперь Павел наивно таращил глаза, жалобно поднимал брови и растерянно разводил руками.

– Предложение твоё, Паша, просто царское, – задумчиво глядя на Стечкина, сказала Лана. – Только о каком долге ты говоришь? Олег тогда выполнял свою работу. Какие у тебя перед ним могут быть долги? Вот если бы ты и вправду отобрал у того бедняги ферму, а Олег написал бы, что ты белый и пушистый... Плату ведь именно за такие статьи берут. Но эта история не про вас. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. И поэтому спасибо тебе, Пашенька,

огромное, но...

– Да вы главного не понимаете! – уже всерьёз вспылал Павел. – Вы не понимаете, что это я хочу такую газету! Я в те времена понял силу прессы, и если эта сила – вся! – будет в продажных руках – что тогда? Вы это понимаете или нет?!

На балкон снова выглянул Платон, но тут же скрылся.

– Ты не очень-то... – сказал Олег. – Не все журналисты такие продажные.

– Да ладно тебе... Вы с Ланкой вообще какие-то... не от мира сего, – махнул рукой Павел. – Я вас каждый раз вспоминаю, когда ко мне корреспонденты на интервью просятся. Я уже заранее знаю, что деньги придут выжучивать.

– Так ты решил от всех СМИ разом откупиться – приобрести Олегу газету? – насмешливо спросила Лана, обидевшись за всех коллег разом. – Ты что думаешь, это очень весело – искать спонсоров да рекламодателей, а потом розовые слюни лить про тех, кто соизволил заплатить? Гласность, свобода слова – сказкой были, сказкой и останутся... Мы, Паш, всерьёз с Олегом думаем: уедем в глушь, купим там домишко и будем жить натуральным хозяйством...

– Ох, ты моя барышня-крестьянка! – засмеялся Павел, обнимая ее за плечи. – Ты хоть раз живую курицу видела? Не замороженную, не в пакетике, а в перьях и чтоб кудахтала? Нет, ребята, вы в корне не правы и меня глубоко обижаете. – Он замолчал, задумался и привёл последний, несокрушимый довод: – Москвич! А ты представь себя на моем месте.

Что бы ты сделал?

Вот так Олег стал главным редактором и фактическим хозяином «Объектива». Фактическим, но не практическим, поскольку частично финансировал издание все-таки Павел. Иначе пришлось бы заводить в редакции рекламный отдел, *et cetera*, как для рифмы писал Александр Сергеевич Пушкин...

Глава 3

Планёрка в областной администрации закончилась, Олег вышел из здания и уже спускался по широким ступеням помпезного парадного подъезда, когда его окликнул знакомый голос:

– Камнев! Подожди!

Он оглянулся: его догонял сокурсник и бывший коллега Влад Петраков, на ходу застёгивая модный чёрный плащ.

– Ничего себе! Ты как в нашей глуши очутился? – пожимая Владу руку, удивился Олег.

– Забыл? Я же родился здесь! Да и дела... А твою газету я читаю, читаю. Молоток!

– Неужели доходит и до столицы?

– А то ты не в курсе! Брось, знаешь ведь, что и там твоим «Объективом» очень даже интересуются.

Олег удивился. Он знал, что его «Объектив» был нарасхват у торгующих прессой в электричках. Но от их города до Москвы электрички не ходят.

– Эксклюзив на фоне прочей брехливой лабуды, – откровенно завистливым тоном продолжал говорить Влад. – Да и журналисты у тебя... классные у тебя ребята работают. Я прямо обзавидовался.

– Аналогично, – вздохнул Олег.

– Твоего пера, правда, не хватает.

– Да некогда самому писать, – с досадой признался Олег.
– Ты же сам знаешь, сколько времени на всякие оргвопросы улетает... Ну, а как твои «Прогулки по бульвару», по-прежнему процветают?

– Да... На мое счастье, интерес к сплетням и скандалам не только держится, но и растёт, – грустно ответил Петраков.

Олег быстро глянул на него и отвёл глаза. Влад уже больше десяти лет был главным редактором, а с некоторых пор и соучредителем одной из самых популярных жёлтых газет Москвы.

– А пойдём в кабачок да тряхнём стариной! – с наигранной бодростью хлопнул его по плечу Влад.

Олег глянул на часы: время терпит.

– Пойдём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.